06 2004

Политическая форма координации

Maurizio Lazzarato

Перевод с англ. Александра Скидана под редакцией Алексея Пензина

Основанная на модели «координации», борьба «*intermittents et précaires d'Ile de France*» * – это настоящая лаборатория, вполне способная высветить закат политической схемы, берущей начало в социалистической и коммунистической традиции. Если эта традиция настаивает на логике противоречия, логике политического представления несправедливости, выводящего на сцену сильные личности, идентичности, то политической форма, названная «координацией», намерена быть решительно экспрессивной, направленной на преобразование, внимательной к изменчивой динамике постидентитарных идентичностей[i], из которых сплетена реальность нашего мира. Координация нацелена не столько на формирование общего коллектива, стремящегося к равенству своих членов (любой ценой), сколько на становление образующих его сингулярностей[ii] внутри изменчивой, сетевой, тяготеющей к мозаичности множественности –

выламывающейся из любого теоретического определения, равно как и профсоюзной или государственной разметки. Это политика экспериментирования, отбрасывающая прежнее знание и открывающаяся навстречу неизвестному, без чего невозможно представить никакую новую жизнь.

Современные политические движения радикально порывают с социалистической и коммунистической традицией. Они развиваются не в соответствии с логикой противоречия, но, напротив, с логикой различия, что вовсе не означает отсутствия конфликта, противостояния или борьбы. Скорее, эти последние радикальным образом видоизменились и разворачиваются на двух асимметричных уровнях. Политические движения и индивидуальности формируются в соответствии с логикой «отказа», выступления «против», разногласия. На первый взгляд они, кажется, воспроизводят разделение на «мы и они», на друзей и врагов, характерное для рабочего движения, да и самой политики. Однако это «нет», это утверждение разногласия, выражается двумя различными способами. С одной стороны, оно направлено против политики и выражает радикальный разрыв с правилами представления или инсценировки разногласия внутри одного и того же мира. С другой, оно является предпосылкой открытости к становлению, бифуркации миров и тому, каким

образом создаются – через конфронтацию, а не через унификацию – эти миры.

На первом уровне, борьба выступает как бегство от институтов и правил политики. Люди очень легко убегают – они бегут, как бежали «народы Востока» от реального социализма, пересекая границы или оставаясь на месте, согласно формуле писца Бартлби: «I would prefer not to», «я бы не предпочёл»[iii]. На втором уровне, индивидуальные и коллективные сингулярности, образующие движение, запускают процесс субъективации, который включает как составление общей платформы (коллективные права), так и различающее утверждение множественности жизненных практик и практик выражения. Бегство, политические практики уклонения с одной стороны; творчество, стратегии «наделения полномочиями» с другой. Этот новый процесс делает поведение движений и сингулярностей непрозрачным и непонятным для политологов, социологов, политических партий и профсоюзов.

Во Франции «координация» – один из самых интересных механизмов, который используют движения, чтобы удерживать сразу оба уровня. Координация «*intermittents et précaires d'Ile de France*»[iv] явилась позднейшей по времени и наиболее совершенной из всех координаций, занимавшихся начиная с 1990-х организацией всевозможных форм борьбы в том или ином

масштабе (координация медсестёр, студентов, железнодорожных рабочих, безработных учителей и т.д.). Отказ, «нет» («мы больше не играем в ваши игры») – вот что подтолкнуло временных работников перейти от неопределённого, хотя и всегда индивидуального, отношения к организации культурной и коммуникационной индустрии к новому отношению к самим себе и к власти, каковая понимается как могущество самой кооперации людей, как наша собственная сила. Вместо того чтобы подчиняться промышленной апроприации и эксплуатации, все характеристики кооперации временных рабочих функционируют как приводные рычаги борьбы.

Возможным координацию сделало событие борьбы. В этом событии мы видим, что непереносимо в нашей эпохе и в то же время – новые возможности для жизни, которые она в себе заключает. Разрушение непереносимого и артикуляция новых возможностей обладают совершенно реальным существованием, но сначала они выражаются как трансформация субъективности, как изменение способа чувствовать, как новое распределение желаний в «душах» временных работников, вовлечённых в борьбу. Это новое распределение того, что возможно, открыто процессу экспериментирования и созидания: экспериментирования с тем, что влечёт за собой трансформация субъективности, и создания

механизмов, институтов и условий, способных раскрыть эти новые возможности для жизни.

Говоря о Мае 68-го, Делёз и Гваттари высказали следующую мысль: «Общество должно уметь формировать коллективные инстанции высказывания, которые соответствуют новой субъективности, таким образом, чтобы оно желало своего же собственного изменения». [1] Когда мы рассматриваем политическое действие в свете события, мы имеем дело с двойным созиданием, двойной индивидуацией, двойным становлением (создание возможности и её осуществление), которое сталкивается с господствующими ценностями. Это та точка, где заявляет о себе «конфликт» с тем, что существует. Эти новые возможности для жизни наталкиваются на организацию находящихся у власти правительств и тот способ, каким те актуализируют то же самое учреждающее начало.

Координация показательным образом развернула борьбу на двух асимметричных уровнях: отказа и учреждения, уничтожения того, что непереносимо, и раскрытия новых возможностей. Уничтожение того, что непереносимо, с помощью кодифицированных и конвенциональных форм профсоюзной борьбы (митинги, демонстрации) найдёт своё выражение в изобретении новых форм действия, чья мощь и размах будут возрастать и всё больше и больше

направляться на преследование и разоблачение господствующих сетей общества-как-делового-предприятия. В ответ на дерегулирование рынка труда и социальных прав последует дерегулирование конфликта, вытекающего из организации власти, перенесение его непосредственно в сети коммуникаций, в машины выражения (прерывания телевизионной трансляции, перехват рекламных мест, интервенции в редакции газет и т.д.), то, что не должны игнорировать те, кто занят конвенциональной профсоюзной борьбой.

К профсоюзной тактике монументальной мобилизации (забастовки), сконцентрированной во времени и пространстве, координация добавила (а не противопоставила) разнообразие акций (по числу участников, по широте целей), используя метод «точно в срок» (благодаря частоте и скорости их планирования и проведения). Это даёт некоторое указание на то, какими могут быть эффективные действия в условиях мобильного, гибкого капиталистического производства, где машины выражения (телевидение, реклама, газеты, кинематограф, фестивали) являются конститутивными элементами «производства».

Если уничтожение того, что непереносимо, должно изобретать свои виды акций, то трансформация способов чувствовать, подразумеваемая отказом, есть лишь

предпосылка для открытости другому процессу, «проблематичному» процессу созидания и актуализации в отношении множественности. «Проблемы» и есть то, что характеризует жизнь и организацию координации. Субъективности, вовлечённые в борьбу, разрываются между старым распределением чувственного, уже не работающим, и новым, каковое ещё не существует иначе, нежели в качестве методов преобразования чувственности и изменения способов восприятия мира. Координация – это не коллектив, а картография сингулярностей, состоящая из множества комитетов, инициатив, площадок для обсуждения и планирования, политических и профсоюзных активистов, множества занятий и профессий, дружеских сетей, «культурных и художественных» сродств, которые образуются и распадаются с разной скоростью и с разными целями. Процесс конституирования множественности, инициированный здесь, не является органическим; скорее, он носит полемический характер, характер противостояния. В этом процессе участвуют как отдельные личности, так и группы, отчаянно цепляющиеся за идентичности, роли и функции, модулированные для них организацией индустрии, а также личности и группы, вовлечённые в радикальный процесс десубъективации, освобождения от этих же самых модуляций. Есть консервативные формы поведения и выражения, и есть иные, новаторские формы, распространённые среди

различных людей и групп или сквозь них проходящие.

Слово «прикаритетные», добавленное к «временным» в названии *coordination d'Ile de France*, вызвало настоящую бурю страстей и спровоцировало самые разные реакции. Есть те, для кого термин «прикаритетные» обозначает некий факт, количественную оценку (социально незащищённых временных работников так же много, как и защищённых, если не больше; в любом случае, благодаря новому договору о найме 35% социально защищённых работников превратились в прикаритетных). Другие радостно приняли его, увидев в нём отмену определений, под которыми подписывается власть (таких как «безработный», «*errèmiste*»**, «иммигрант» и т.д.), и отказ от навязываемых категорий. Третьи же, парализованные расплывчатым, негативным характером такой атрибуции, требуют более утешительного определения «художник» или «профессиональный работник сцены»; это тоже категории, но, с их точки зрения, «позитивные». Можно идентифицировать себя с художником или профессиональным работником сцены, тогда как «прикаритетный работник» – это форма идентификации по умолчанию. Есть и те, для кого слово «прикаритетный» достаточно неопределённо и многозначно, чтобы подходить для разнообразных ситуаций, которые выходят за рамки «сцены», и для кого оно открывает

возможности становления, уклоняющегося от предписанных властью категорий. Есть также и те, кто требует «экзистенциального прикаритета» и отвергают «экономический прикаритет». А ещё есть те, для кого термин «прикаритетный» обозначает точку, где категории, атрибуции и идентичности размываются (художник и в то же время прикаритетный работник, профессионал и в тоже время безработный, попеременно то внутри, то вовне, на краях, на границах): точку, где отношения, поскольку они недостаточно кодифицированы, являются – одновременно и противоречивым образом – источником политического подчинения, экономической эксплуатации и возможностью быть схваченным.

«Прикаритетный» предстаёт самим образчиком «проблематичного» наименования, ставящего новые вопросы и ищущего новых ответов. Не обладая универсальной силой таких имён, как «рабочий» или «пролетариат», оно играет роль – как некогда играли и эти слова – того, что игнорируется, а потому может быть поименовано властью лишь негативно. Все единодушно выступают за нейтрализацию прикаритета как орудия политического подчинения и экономической эксплуатации. Разногласия возникают по поводу способов, какими этого можно достичь, и смысла такой нейтрализации. Не загоняем ли мы неизвестные аспекты проблематичных ситуаций, вызванных прикаритетностью, в рамки известных нам

существующих институтов с их формами представления: зарплата, право на труд (занятость), право на государственные пособия и пенсию, на демократические объединения наёмных работников и профсоюзные организации? Или мы изобретаем и заставляем принять новые права, способствующие возникновению нового отношения к деятельности, времени, благосостоянию, демократии, отношения, которое, в условиях прикаритета, существует лишь виртуально и зачастую негативно?

Мы видим, что экономические вопросы, касающиеся социальных гарантий и схем представления, сразу же влекут за собой проблемы политической категоризации, которые возвращают нас к различным процессам субъективации. Приспосабливаться ли к готовой матрице отношений капитал-труд, рассматривая искусство и культуру как их «исключение», или анализировать изменение самого понятия произведения-работы и понятия искусства и открываться навстречу становлению, каковое эти же вопросы и предполагают, определяя «художника» и «профессионального работника» как-то по-другому. Или ещё: возвращать «прикаритетное», то, что еще не кодифицировано, в рамки институционализированного конфликта, который уже стандартизирован (и тоже содержит в себе революцию великого множества революционеров!), или воспользоваться

возможностью, чтобы вести борьбу за идентичности, которые находятся в процессе становления.

Постфеминистские движения уже пытались разрешить непростую проблему становления, проблему отношения между различием и повторением, при помощи «апоретического» понятия постидентитарной идентичности: подвижные идентичности, раздробленные идентичности, эксцентричные идентичности, номадические субъекты, где идентичность разом и декларируется и скрадывается, где повторение (идентичность) играет на руку различию, где утверждение своих прав – это не формальность или интеграция [в общество], но, напротив, предпосылка для становления. Здесь тот же самый вопрос охватывает более традиционное поле закона и институциональных форм, регулирующих социальные вопросы.

В координации представлены различные формы поведения и выражения, как они распространились в виде практических умений или «коллективных тел опыта» (как говорят временные работники, имея в виду свою деятельность), и всякий раз они обнаруживают политических «объектов» и «субъектов». Эти практические умения и опыт, как только они вступают в силу, приводят к увеличению проблем и ответных реакций.

Создание модели, альтернативной той, которую предлагает правительство, – одно из таких практических умений, ставящих под вопрос общую организацию наших обществ, используя особые практики, связанные со сценическими профессиями. Анализируя законность разделения на специалистов и неспециалистов, методы, посредством которых конструируется новая модель, подвергают испытанию и разделение на представителей и представляемых. Деятельность координации может распространяться на экспериментирование со способами бытия-вместе и бытия-против, которые повторяют кодифицированные политические процедуры и в то же время изобретают новые, все из которых направлены ещё и на то, чтобы способствовать встрече сингулярностей, взаимодействию различных миров и множеств.

Общая форма организации здесь – не вертикальная, иерархическая структура политических партий или профсоюзов, но структура сетевая, в которой действуют различные организационные механизмы и способы принятия решений; они сосуществуют и координируются более или менее удачно. Общее собрание принимает решение на основе большинства голосов, не выбирая при этом руководящую элиту и вертикальные, управляющие либо постоянные структуры. Жизнь координации и комитетов основывается

на модели мозаики, позволяющей отдельному человеку или группе начать осуществление инициатив и новых форм действия более гибким и ответственным образом. Сетевая форма организации более открыта обучению и апроприации политической деятельности всеми участниками. Сеть благоприятствует развитию минориторной политики и принятию решений со стороны меньшинства.

Координация взяла на вооружение стратегию, которая работает трансверсально, поперечно – относительно разделений, установленных политикой и мажоритарными моделями (представители/представляемые, частное/публичное, личное/коллективное, специалист/неспециалист, социальное/политическое, публика/зритель, наёмный работник/прикаритетный работник и т.д.). Открытие этих учреждающих пространств подпитывает напряжение между утверждением равенства, провозглашаемым политикой (мы все обладаем равными правами), и властными отношениями между сингулярностями, которые всегда асимметричны (на митинге, во время дискуссии, в процессе принятия решений циркуляция речи, мест и ролей никогда не основывается на равенстве).

«Коллективные» права – вот что определяет условия равенства; права – для каждого. Но это равенство не ради себя самого; само по себе оно

не является целью. Оно существует ради различия, ради становления каждого; в противном случае, оно не более чем выравнивание множественности, усреднение субъективностей, некая средняя (большинство) субъективность. Различия, навязанные властью, отвергнуты, но различия между сингулярностями улажены (на этом втором уровне равенство может быть лишь возможностью для каждого не быть отделённым от того, на что он/она способны, иметь возможность полностью реализовать свой потенциал). Иерархия культуриндустрии отвергнута, и имеется конфигурация асимметричных отношений между сингулярностями, которые нельзя мерить одним аршином, «как это происходит в мире художников, где нет ранжира, а есть многообразие площадок».

Координация позволяет пересекать границы, размывать перегородки, категории и предписания, под которые насильно подгоняются временные работники, да и все мы. Пространство координации трансверсально по отношению к логике равенства и логике различия (свободы), поскольку выстраивает взаимоотношение между ними как проблему, пытается проанализировать границы, внутри которых социализм и либерализм, каждый на свой лад, их рассматривали и практиковали. Координация – это дискуссионная площадка для

трансформации множественности: от подчинённой и порабощённой множественности – к новой множественности, очертания которой невозможно определить заранее.

Обобщая, можно сказать так: форма политической организации координации соотносится с изобретением, экспериментированием и с их способами действия, а не с новыми приёмами ведения войны. В настоящий момент мы живём в условиях «планетарной гражданской войны» и перманентного «чрезвычайного положения», однако я полагаю, что ответ на это устройство власти возможен только в том случае, если обратить логику войны вспять (инвагинировать) в логику сотворчества и содействия. Логика войны – это логика покорения или раздела одного-единственного возможного мира. Логика изобретения – это логика создания разных миров внутри одного и того же мира; она продырявливает власть, делая её пустотелой, и в то же время позволяет нам перестать быть покорными. Это раскрытие-разрастание означает развёртывание сингулярностей бок о бок с другими сингулярностями, проведение силовой линии между ними; тем самым сингулярности на время делаются одинаковыми и временно взаимодействуют в своём стремлении к общей цели, необязательно отрицая при этом свою автономию и независимость, не будучи редуцированы к

процессу тотализации. И это действие, в свою очередь, является изобретением, новой индивидуацией.

Координация строится на образе действий, возвращающих нас к непредсказуемости распространения и внедрения изобретения (благодаря взаимной захваченности, основанной на доверии и близости), а не к претворению в жизнь идеального плана или политической линии, нацеленной на повышение сознательности. Своей цели она достигает, только если выражает такую власть, при которой сингулярности существуют «порознь, каждая для себя». Она обретает форму, только если выражает «сумму, которая не сводится к совокупности собственных элементов». Переход от микро- к макроуровню, от локального к глобальному, должен происходить не посредством абстрагирования, универсализации или тотализации, но через способность удерживаться вместе, способность исподволь координировать сетевые и мозаичные связи.

По сравнению с этой динамикой координации инструменты и формы организации рабочего движения во многом неадекватны, поскольку, с одной стороны, отсылают к кооперации фабрики времён Маркса и Смита, а с другой, политическое действие мыслится в них не как изобретение, но просто как раскрытие чего-то, что уже есть, главным оператором которого

(раскрытия) выступает сознательность и представление. Превратить потенциальное в нечто наличествующее, действительное – это совершенно иное дело, нежели представить конфликт. В политическом действии того, что остаётся от рабочего движения (в его институциональной или «левой» форме), неизменно преобладает логика представления и редукционистской тотализации, что означает осуществление гегемонии в одном-единственном возможном мире (идёт ли речь о захвате или о дележе власти), тогда как координация является политикой выражения. Использование политической формы координации взывает, прежде всего, к нейтрализации этих методов проведения и выражения политики. Где есть гегемония организационных форм рабочего движения, там не может быть координации. Там, где есть координация, эти организации могут быть её частью, но лишь отбросив свои притязания на гегемонию и приняв конституирующие правила множественности (это сосуществование мы видим задействованным и в формах организации, мобилизующих на выступление против неолиберальной глобализации!). Только координация создаёт публичное пространство, которое включает в себя различия.

Активист в координации – это тот, кто привержен её деятельности и в то же время неуловим. Современные политические движения

не развиваются в соответствии с «мистическими» режимами перехода от отдельной личности к коллективу. Всякая творческая активность зарождается первоначально из единичных инициатив (группы или личностей), более или менее скромных по своему масштабу, более или менее анонимных. Эти инициативы вызывают прерывание, привносят разрыв не только в отправление власти над субъективностью, но также – и в особенности – в воспроизводство психических и телесных привычек множественности. Акт сопротивления вводит разрывы, которые представляют новые начала, и эти начала – множественны, несоизмеримы, разнородны (очагов сопротивления всегда много).

Фигура активиста в современных движениях не возвращает нас к позиции бойца или религиозного служения, скорее, она принимает черты изобретателя, экспериментатора. Как и эти последние, активист привержен движению и неуловим, поскольку он тоже должен уклониться, ускользнуть ради того, чтобы его действие было эффективным в цепи «доминирующих привычек и имитаций», кодифицирующих пространство политического действия. Зачарованность фигурой субкоманданте Маркоса проистекает из совокупности всех элементов, присутствующих в манере его поведения и самовыражения. В ситуации, ограниченной по-иному, чем наша

собственная, он утверждает себя как военачальник, как политический и военный командир; в то же самое время, используя те же жесты и те же слова, он моментально избавляется от идентичности военачальника, освобождается от предписанной ему роли командира, от военно-политического руководства. Ситуация, соответствующая действию, которое начинает нечто новое, выражена в апоретическом определении «субкоманданте»: субъективация и одновременно десубъективация, где каждая операция взаимно предполагает и повторно запускает друг друга.

В современном активизме воинствующее измерение надлежит обратить в силу изобретения, силу, способную создавать и реализовывать коллективные конфигурации и образы жизни. Активист не тот, кто единолично распоряжается мозговым центром движения, кто воплощает его силу, предвосхищает его решения, кто получает свою легитимность из способности читать и интерпретировать шаги власти; напротив, активист тот, кто, привнося разрыв в существующее, способствует увеличению силы коллективной конфигурации и кооперации, потоков, сетей и сингулярностей, которые эту конфигурацию образуют, в соответствии с методами обособления и координации – нетотализующими, негомогенизирующими, неиерархичными.

Временные работники говорят: мы не знаем, что значит «быть вместе» и «быть против» в условиях, где внутри одного мира произрастают разные миры; мы не знаем, что такое институты становления, но мы ставим эти вопросы посредством устройств, техники, договорённостей, заявлений, и тем самым мы анализируем их и экспериментируем. Традиционные методы политического действия не отмирают, но зависят от использования этой силы координации. Конституирование самости как множественности не приносится в жертву борьбе с приказами власти. Активист продолжает выдвигать инициативы, продолжает быть источником новых начинаний, но уже не в соответствии с логикой претворения в жизнь идеального плана или политической линии, которая видит возможные пути как заранее готовый образ реального. Он/она делает это, исходя из актуального понимания ситуации, которая обязывает его/её ставить саму свою идентичность, своё мировоззрение и методы действия на карту. Фактически, у него/неё и нет другой возможности, так как все попытки к тотализации, к гомогенизирующему обобщению, к созданию силовых отношений, ориентированных исключительно на представление, к установлению методов иерархической организации, приводят к бегству и развалу координации (множественности).

* Временные и прикаритетные работники Иль де Франс. [Прим. переводчика]

** http://transform.eipcp.net/transversal/0707/lazzarato/en/print - _ftnref3 Человек, живущий на пособие малоимущим (*RMI = Revenu minimum d'insertion*). [Прим. переводчика]

меется такое же количество незащищённых и групп, или пронизывающие отдельного циатив, форумовмаци

---

[1] Gilles Deleuze and Félix Guattari, "May 68 Did Not Take Place", http://illogicaloperation.com/textz/deleuze_gilles_guattari_felix_may_68.htm, по-французски: Mai 68 n'a pas eu lieu, in: Les nouvelles, 3 mai 1984 - page 75 et 76.

---

[i] Эта на первый взгляд противоречивая терминология отсылает к постфеминистским и постколониальным исследованиям последних десятилетий, связанным с именами Гаятри Спивак, Джудит Батлер, Донны Харавей и др. Они привлекли внимание к феноменам смешанной индентичности, в которой

разнородные расовые, национальные и гендерные элементы образуют сложные и динамичные композиции. В книге Лаззарато «Революции капитализма» (2005) постидентитарная идентичность определяется как «конструкция принадлежности, которая не была бы приписыванием к какой-либо одной идентичности, но была бы скорее вовлечением в становление». – Прим. ред.

[ii] На язык многих работ М. Лаззарато большое влияние оказывает терминологические ряды «философии становления» Жиля Делеза и Феликса Гваттари, в частности, «сингулярности», «потоки», «трансверсальности» и т.д. Термин «сингулярность» происходит из математики и физики. О сингулярности говорят в ситуации неопределимости значения функции при определенном значении переменной, т.е. когда конкретные, единичные значения не выводятся из универсальной алгебраической формулы (например, функция $1/x$, когда $x=0$). В современной философии «сингулярность» отличают от единичности в ее метафизическом понимании в контексте “отражения”, “выражения”, “взаимосвязи” со всеобщим, универсальным. Сингулярность не репрезентирована во всеобщем и не подченена ему как трансцендентальной форме или образцу. См. интерпретацию этого термина в кн. Делез Ж. Логика смысла. – М., 1995. – С. 73–79. – Прим. ред.

[iii] Писец Бартлби – конторский клерк с Уолл-Стрит, персонаж одноименной новеллы Германа Мелвилла (опубликована в 1856 г.). Этот персонаж-концепт стал предметом пристального внимания и анализа в работах крупных философов 20 в. (Ж. Делез, Дж. Агамбен, А. Негри и др.). Когда босс конторы обращается с Бартлби с неким поручением, тот неизменно отвечает: I would prefer not to, «Я бы не предпочел» (в существующем русском переводе фраза передана более нормативно: «Я бы предпочел отказаться»). Знаменитая фраза, ломающая грамматический строй языка, и сам персонаж Бартлби получили множество трактовок. Она рассматривалась как фигура «абсолютного отказа» от репрессивной реальности Уолл-Стрит, реализующаяся как «вычитание» самого себя из отношений власти и бессмысленного в своей монотонности труда. Или, напротив, в фразе Бартлби видели приостановку самого различия между отрицанием и утверждением, предпочтением и безразличием, отсылающей, скорее, к онтологической проблематике виртуального, а также к аристотелевской проблеме потенции и акта. Русский перевод новеллы опубликован в: Г. Мелвилл. Собрание сочинений в 3 тт., 1987. – Прим. ред.

[iv] «временных и прикаритетных работников». Под прикаритетностью (от лат. «precarius» – неустойчивый, стоящий на песке, временный) понимаются новые процессы, связанные с

постфордистской организацией отношений труда и капитала, прежде всего – переходом от постоянной занятости к временной, увеличением доли сезонного труда, кратковременной работы «по случаю», работы людей со статусом мигранта, работы без гарантий продления контракта. Термин получил интернациональное распространение в последние годы (примерно с 2000 г.) как часть проблематики, обсуждаемой в рамках альтерглобалистского движения. – Прим. ред.